

чения — повтор приемов декоративизма, удовлетворение ранее найденными эффектами декоративности. В плане творческого развития декоративных основ в станковой живописи нашим художникам, жалуящимся на отсутствие образцов народного прикладного и традиционного станкового искусства, будет интересно познакомиться с экспозицией готовящихся выставок старокалмыцкой живописи и скульптуры и калмыцкого прикладного искусства. Думаем, и наша первая попытка стимулировать развитие самодельного искусства, соприкасающегося в своей основе с народным искусством, не ускользнула от внимания художников (имеется в виду организованная в прошлом году республиканская выставка народных умельцев и самодельных художников).

На пути современной фольклоризации профессионального искусства — процесса, наблюдаемого и в калмыцком изобразительном искусстве, — существует реальная опасность стилизации. Избегать появления декоративного стереотипа в современном профессиональном творчестве поможет глубокий и серьезный подход в решении вопроса о национальном своеобразии. Этот вопрос становится одним из главных на современном этапе развития калмыцкого изобразительного искусства, стоящего на пути к зрелости. Этот подъем национального искусства был бы невозможен без приобщения его к реалистическим достижениям русской и мировой художественной культуры. Поэтому не случайно растущий интерес творческих кадров к поис-

кам национальной самобытности в современном изобразительном искусстве обуславливает назревшую необходимость в формировании исторических экспозиций национальной культуры в художественных музеях автономных республик России. Об этом говорилось на проходившей в апреле 1981 г. конференции в Ленинграде, посвященной теме «Тенденции развития изобразительного искусства РСФСР». Глубже осознается необходимость в расширении комплектования фондов музеев за счет произведений современного национального искусства. Бурный рост местных художественных школ в Российской Федерации предполагает создание в недалеком будущем в Москве художественного музея автономных республик РСФСР.

Критически осмысливая современный этап развития калмыцкого изобразительного искусства, необходимо учитывать, что этот период не отрицает достижений 60-х и 70-х годов, а является их закономерным продолжением. Такова логика развития каждого художественного явления, каким необходимо рассматривать и современную калмыцкую живопись, складывающуюся из творческих устремлений художников разных поколений. Их постоянные поиски на пути сохранения и развития традиций, сложившихся в искусстве социалистического реализма, являются верным залогом появления новых значительных произведений, которые войдут в историю молодого изобразительного искусства Калмыкии.

ПРАСКОВЬЯ АЛЕКСЕЕВА

ВКЛАД В ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

В развитии отечественного и европейского востоковедения заметную роль сыграли поселенцы Сарепты, основанной во второй половине XVIII века вблизи Царицына. Возникновение ее связано с манифестом Екатерины II от 22 июня 1763 г., разрешавшим заселение земель Астраханской губернии от Саратова вверх и вниз по Волге. Первым этим правом воспользовался сам губернатор Н. А. Бекетов, переселивший часть своих крестьян из Саратовской губернии. Так, на землях, где кочевали калмыки, появились села Бекетовка и Отрада. Вслед за этими поселениями появилось несколько колоний иностранцев. Правом бесплатного поселения на Волге воспользовались выходцы из Богемии, члены евангелического братства или гернгутеры.

В 1765 г. 50 членов братства прибыли на Волгу. Им отвели место на правом бе-

регу Волги, ниже Царицына (ныне Волгоград) у Ергенинских высот, при слиянии реки Сарпа (по-калмыцки Шорва) с Волгой. Колония по названию реки получила название Сарепта (ныне г. Красноармейск Волгоградской области). Калмыки эту местность называли Ман Хамар (Записки путешествия академика Фалька. Спб., 1824, с. 135).

Новым поселенцам было отведено в общественное пользование 5870 десятин лучшей земли. Они были на 30 лет освобождены от всех налогов, повинностей и рекрутского набора. Одновременно получили также право самоуправления и суда, свободной торговли, бесповшинного винокурения, право свободного выезда за границу в любое время.

Число жителей Сарепты быстро росло. Они построили каменные дома, обзавелись хозяйством, посадили сады, огороды. Для

безопасности от набегов соседних кочевников колония была обнесена валам, глубоким рвом. Здесь был расположен гарнизон. Поселенцы обживались прочно. Завели различные ткацкие, швейные, вязальные мастерские, торговые предприятия. Они первыми в России стали сеять горчицу, получать горчичное масло. Исследователь Саратовского края П. К. Любомиров в статье «История народного образования в Саратовской губернии» пишет, что в 1772—1773 гг. в Сарепте были школы для мальчиков и девочек.

У Ергенинских холмов, километрах в 9—10 от Сарепты, местный врач Иван Виш открыл источник минеральных вод. Сарпинские минеральные воды местные жители употребляли для питья и ванн. Целительные свойства сарпинских (т. е. ергенинских) водных источников в конце XVIII века получили широкую известность. Сарепта стала модным курортом и пользовалась популярностью до открытия Кавказских минеральных вод. Сарпинскими минеральными водами лечили болезни печени и желудочно-кишечные заболевания. (Водолагин М. А. Очерки истории Волгограда. М., Наука, 1969, с. 152). Больные, приезжавшие на воды, на месте у калмыков покупали лошадей, а с собой везли все необходимое для пребывания на водах. Для жилья они пользовались калмыцкими кибитками. При источнике имелось грязевое лечение. Лечение заключалось в следующем: «грязью сею обмазывают все части тела и находят, что она крепит, чистит и смягчит кожу...» (Водолагин М. А. Там же). Через определенное время грязь смывали. Местные калмыки тоже пользовались лечебными свойствами грязей. В медицинской литературе такой метод лечения грязями получил название «калмыцкий метод грязелечения».

Недалеко от Сарепты, на речке Червленной, крещеные калмыки основали село Червленное. Многие из них занимались земледелием, хотя удобной земли явно недоставало: правительство выделило им всего 450 десятин, вместо восьми тысяч, о которых они ходатайствовали (Краснов А. Н. Геоботанические исследования в Калмыцких степях. Спб., 1886, с. 27; Лугарев П. Материалы для истории калмыков. Казань, 1910, с. 5). Соседство крещеных калмыков с немецкими поселенцами вызвало, по-видимому, у последних стремление попробовать свои силы в миссионерской деятельности среди кочевников. С 1768 г., после основания Сарепты, по 1796 г. евангелическое братство занялось миссией среди калмыков, но особого успеха не имело (Лугарев П. Там же, с. 2). Зато постепенно накапливались различного рода сведения о калмыцком народе, давшие серьезные научные плоды.

Жители поселения вели с калмыками торговые дела, сбывали предметы ремесла, покупали у них сырье. Бедные калмыки, не имевшие хозяйства, нанимались к поселенцам на работу (Бюлер Ф. А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. — Отечественные записки, 1846, статья 1-я, с. 66).

В 1768 г. братство поручило двум членам Сарептского общества, Бергману (ис В. Бергману) и Цвику, всесторонне изучить быт калмыков, их язык, религию и обычаи. 29 мая 1768 г. они в сопровождении зайсанга Тохмута, бывавшего в Сарепте, отправились в Калмыцкую степь и провели там несколько лет.

В 1813 г. возникло Российское библейское общество для распространения христианства среди народов России. Первыми из народов-инородцев, как тогда называли представителей национальных меньшинств, на кого обратили внимание миссионеры, были калмыки. Библейское общество занялось переводами евангелия и другой христианской литературы на калмыцкий язык. Переводы были поручены бывшему жителю Сарепты, члену библейского общества Якову Шмидту, хорошо знавшему калмыцкий язык. Для печатания книг на калмыцком языке нужны были типографские шрифты старокалмыцкой письменности. С помощью библейского общества типографские шрифты были отлиты, и в 1815 г. в типографии Академии наук отпечатаны первые книги на калмыцком языке. (Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. — См.: Труды 3-го Международного съезда ориенталистов в 1876 г. Спб., 1879—1880, с. 99—256). Книги отправлялись в степь для распространения среди калмыков. Так, в 1815 г. три члена библейского общества отправились в Хошеутовский улус с рекомендательным письмом к владельцу улуса Тюменю для содействия миссии и прибыли там до 1821 г. В 1827 г. в Лейпциге на немецком языке вышло описание путешествия Н. Цвика в Сарепту, к астраханским калмыкам, совершенное им в мае-августе 1823 г. (Цвик Н. А. Путешествие из Сарепты к калмыкам Астраханской степи в мае-августе 1823 г. Лейпциг, 1827, на нем. языке). Цвик также издал две работы по калмыцкому языку: грамматику калмыцкого языка и словарь.

Кроме Бергмана и Цвика, в отечественном востоковедении известны имена других ученых-выходцев из Сарепты, таких, как Яков Шмидт, Иоганн Иериг. Яков Шмидт стал специалистом по калмыцкому и тибетскому языкам. Иоганн Иериг поступил на службу в экспедицию П. С. Палласа в качестве переводчика.

Шмидт Яков Исак (Яков Иванович) родился в 1779 г. в Амстердаме. Ребенком был привезен в колонию на Волге в 1780 г. Вырос и жил он в Сарепте, работал в торговой конторе, вел торговые дела с калмыками. По делам торговой конторы провел в Калмыцкой степи около трех лет, изучил калмыцкий язык, познанился с национальной литературой, устным народным творчеством, бытом и обычаями калмыков, поддерживал тесные контакты со знатоками монгольского и тибетского языков.

В 1811 г. Шмидт поселился в Москве, во время Отечественной войны 1812 г. переехал в Петербург. Работая бухгалтером библейского общества в столице, он не оставил своих прежних занятий по вос-

точным языкам. Библейское общество поручало ему переводы евангелия на калмыцкий язык, составление небольших текстов религиозного содержания. Им были переведены на калмыцкий язык евангелия от Иоанна и Матфея, деяния апостолов. Переведенные и отпечатанные книги отправлялись обществом в Калмыцкую степь. Одновременно Я. Шмидт занялся изучением монгольского и тибетского языков. Как знаток восточных языков его пригласили на работу в Академию наук. С его приходом в Академии начался период изучения тибетского языка и литературы. Здесь Я. Шмидт занялся переводами тибетских текстов, составлением словаря тибетского языка. В 1822 г. в письме одному из редакторов «Азиатского журнала» в Париже Я. Шмидт сообщает о своем переводе «Истории монголов» Санан-Сэцэна, которая стала доступной европейским ученым благодаря Шмидту. В этом же письме он извещает редактора о том, что намерен составить грамматику монгольского и ёлётского языков (Сибирский вестник, 1823, кн. 15—16, с. 101—106).

В 1828 г. проводилась ревизия Астраханской губернии, проверка состояния управления калмыцким народом. Сенатор Энгель, под руководством которого проводилась ревизия, обнаружил отсутствие хороших переводчиков с калмыцкого. После ревизии он донес Сенату о необходимости подготовки переводчиков. В том же году в Петербурге при школе медицинского ведомства был открыт класс калмыцкого языка на 10 человек, где преподавателем в течение восьми лет был Я. И. Шмидт. Ученики набирались из ближайших приказов, учились не более 4-х лет. По окончании ученики должны были прослужить переводчиками не менее 6-ти лет. (Полное собрание законов, т. X, № 2353).

Научная деятельность Я. И. Шмидта в Академии была исключительно плодотворной. В 1831 г. вышла его «Грамматика монгольского языка» на немецком языке, а в следующем году — на русском языке. В 1835 г. вышел «Монголо-немецко-русский словарь». Им переведены на немецкий язык многие монгольские литературные памятники: «История восточных монголов», «Подвиги Гэсэр-хана», «Удигерин дала». На русский язык он осуществил перевод монгольской исторической летописи Санан-Сэцэна. За плодотворную деятельность в области ориенталистики Шмидт Я. И. с 1826 г. стал членом-корреспондентом Академии наук, затем он получил звание адъюнкта, академика. Умер ученый в 1847 г. в Петербурге.

В фонде архива Академии наук СССР (фонд № 785) хранятся работы Я. И. Шмидта: Грамматика монгольского языка. Спб., 1831; Тибетско-русский словарь. Спб., 1841; Монголо-немецко-русский лексикон. Спб., 1835; отзывы Шмидта о научных трудах Н. Я. Бичурина «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени», Спб., 1834; на «Грамматику калмыцкого языка» А. В. Попова, Казань, 1847; работу Бертольда, Юльга по калмыцкому языку; инструкция

по сбору сведений по истории, литературе и языкам Востока для членов Пекинской духовной миссии; записка об учреждении особого класса для обучения калмыцкому языку при училище восточных языков Министерства иностранных дел; словари монгольского и ойратского языков.

Другой выходец из немецкой колонии на Волге — Иоганн Иериг, также известен как знаток калмыцкого языка, собиратель восточных рукописей. Во время исследования Астраханской губернии в 1773 г. с ним встретился в Царицыне путешественник П. С. Паллас. По рекомендации известного ученого Академия приняла Иерига на должность переводчика сроком на 3 года с окладом 100 рублей в год и прикомандировала к экспедиции Палласа. После окончания экспедиции Академия послала Иоганна Иерига в Калмыцкую степь для изучения языка, сбора и перевода калмыцких рукописей, обязав изучить также тангутский язык.

Известный советский востоковед Л. С. Пучковский отмечает особые заслуги русских путешественников XVIII века в сборе монгольских рукописей для Академии наук. Особенно значительна на этом поприще деятельность И. Иерига (Иёриг, Яриг).

Интерес Академии к изучению тибетского языка был вызван находкой тибетских рукописей в монастыре Аблайинкит в Сибири. Образцы рукописей были доставлены в Петербург в 1722 г. во время путешествия капитана Унковского к джунгарским калмыкам. Библиотекарь Академии представил в Парижскую академию один из листов для научного определения и перевода.

Сохранилась переписка И. Иерига с Академией (Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. 1766—1782. М.-Л., 1937). В марте 1775 г. конференц-секретарь Академии Эйлер сообщает Иеригу в Енотаевск о получении Академией четырех его докладов и о разрешении ему оставаться в Поволжье до окончания исследования о калмыках. В этом же году в письме к П. С. Палласу Иериг писал о встреченных им трудностях при работе среди калмыков, о своих отчетах Академии об исследовании калмыков. Кроме сведений о калмыках, рукописей, Иериг собирал и отсылал образцы трав степного края. Так, в одном из отчетов в 1778 г. он сообщал об употреблении калмыками растительного лекарства от ревматических болезней. Трава по-русски называлась «стенная малина», а по-калмыцки «зергена».

Сотрудничество Палласа с Иеригом было плодотворным. Данные Иерига о калмыках были использованы Палласом в его «Сборнике исторических сведений о монгольских народах». Спб., 1776.

После Калмыцкой степи Академия послала Иерига в Сибирь с целью изучения восточных языков и сбора рукописей. В одном из писем из Бурятии в 1781 г. он извещал о посылке в Академию своих заметок смешанного характера и о находке некоторых монгольских рукописей. Умер И. Иериг в 1795 г.

В работе академика С. А. Козина по описанию архива Азиатского музея перечислены работы И. Иерига по тибетскому, ёлётскому, калмыцкому языкам, «Эрденин шастир» и др. (Библиография Востока. Л., 1934, вып. 5—6, с. 56—66).

Материалы И. Иерига находятся в архиве Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР. (Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. — М., Наука, 1974, с. 81, фонд № 21).

Через 30 лет после путешествия П. С. Палласа, в начале XIX века в Калмыцкой степи побывал Вениамин Бергман, уроженец Лифляндии, ныне Латвийской ССР. Он учился в Лейпцигском и Иенском университетах, был домашним учителем в Риге и Москве. В 1802 г. он на средства Академии наук предпринял поездку к калмыкам на Волге. В феврале он прибыл в Сарепту, а в апреле выехал в Калмыцкую степь где за два года собрал большой материал по истории, языку, быту и религии калмыков. Описания своего путешествия В. Бергман издал в Риге на немецком языке (Кочевнические скитания среди калмыков в годы 1802—1803. Рига, 1804—1805, т. 1—4).

Первые сведения о монгольском языке и монгольской мифологии (т. е. калмыцкому языку и мифологии калмыков) В. Бергман получил от сарептского жителя Конратия Нейца. Отрывки из описания путешествия В. Бергмана были переведены на французский язык и опубликованы в Азиатском вестнике (1826, кн. 3). На русском языке отрывки из описания путешествия опубликованы в «Вестнике Европы» под названием «Любопытные известия о калмыках» (Вестник Европы, М., 1805, ч. 24, с. 264—283).

В описании путешествия В. Бергмана содержатся ценные сведения этнографического характера. В. Бергман первым из исследователей записал отрывки из героического эпоса «Джангар» и одну из легенд о джангарчи. Кроме этих работ, В. Бергман опубликовал еще несколько статей о калмыках в виде свободного изложения о кочевнических скитаниях среди калмыков. Воейков в «Описании калмыцкого народа» (Сын Отечества, 1822, 75 № 5—7) и монговед О. Ковалевский в «Буддийской космологии» (Ученые записки Казанского университета, 1835, кн. 2, 4, 1837, кн. 1), отмечают, что записи Бергмана были более достоверными, нежели записи о калмыках Иоганна Иерига. Это они объясняют тем, что В. Бергман провел среди калмыков более продолжительное время и лучше знал калмыцкий язык, чем его предшественники, посетившие Калмыцкую степь.

В. Бергманом был осуществлен перевод с калмыцкого некоторых религиозных сочинений. Так, им переведено «Ииртмжин толи» (Зеркало вселенной), составлены некоторые заметки о тибетско-монгольской религии. Русский перевод этой статьи приведен в книге Тимковского «Путешествие в Монголию», Спб., 1824, т. 3.

Г. И. Рамстедт с дочерью Седжил.

Сарепта, своеобразное поселение, со своими необычными обрядами секты, интересовала многих, кто бывал в этих местах и позже, в конце XIX—начале XX веков. Как наиболее благоустроенный населенный пункт, близкий к водному и железнодорожному пути, Сарепта служила местом остановки многих исследователей.

В 1904 году Сарепту местом работы среди калмыков выбрали два известных востоковеда Г. И. Рамстедт и А. Д. Руднев.

А. Д. Руднев в своем отчете о поездке в Калмыцкую степь летом 1904 г. писал, что жил в Сарепте и работал вместе с Рамстедтом, «...занимался наблюдением над особенностями речи местных калмыков, записывая текст, отдельные выражения, возможно точнее отмечая фонетические особенности. Спорные вопросы и новые наблюдения Рамстедт и я взаимно проверяли, выясняли, обращаясь за данными и подтверждениями к самим аборигенам, выбирая из них по возможности неграмотных». (Руднев А. Д. Отчет о поездке в Калмыцкие степи летом 1904 г. Отд. оттиск). В числе записей он перечислил 4 сказки, десяток песен с напевами и танцы. У сарептского аптекаря Кристофа А. Д. Руднев получил коллекцию тибетских лекарств, употреблявшихся калмыками, список медицинских терминов по латыни с переводами на калмыцкий язык (Руднев А. Д. Там же).

Результаты поездки Г. И. Рамстедта и А. Д. Руднева в Калмыцкую степь известны по их трудам по калмыковедению, опубликованным в разное время. Это «Калмыцкие песни», «Торгутские песни», «Калмыцкие сказки», «Калмыцко-немецкий словарь» Г. И. Рамстедта, работы А. Д. Руднева по говорам монгольских народов, мелодии монгольских племен и другие.